

А.А.Мансков

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ С.Д.КРЖИЖАНОВСКОГО

Алтайский государственный университет, Барнаул

The article based on «Death's Door» short story considers the peculiarities of Krzhizhanovsky's individual mythology. Elements of different mythology form Author's mythology. We compare the characters of the short story with the heroes of Greek, Roman and Egyptian myths, their typological features and differences are revealed.

Предметом нашего внимания будет новелла С.Д.Кржижановского «Соната "Death's Door"». Одним из возможных путей ее исследования является рассмотрение в мифологическом аспекте. Актуальность его мотивирована наличием мифологических аллюзий и реминисценций в тексте.

Кржижановский, будучи писателем-модернистом, моделировал собственную художественную реальность. Создавая мифологическое пространство текста (индивидуальную мифологию), он не стремился к соответствию его персонажей с мифологическими прототипами. Автор новеллы использовал древнегреческие и древнеегипетские мифы в качестве исходного материала для построения собственных образов, поэтому для него важно не столько соответствие, сколько трансформация, переосмысление мифа. В силу этих причин персонажи новеллы «Соната "Death's Door"» эксплицируют некоторое сходство с их мифологическими прообразами, однако не являются абсолютно тождественными им.

В качестве прообраза индуса Бен-Намира в новелле можно назвать представителя пантеона олимпийского богов Гермеса. Согласно мифологическим представлениям древних греков он — вестник богов, покровитель странников. Одной из древнейших функций Гермеса является сопровождение душ умерших в Аид, т.е. роль определенного «психопомпа» [1]. В этой роли он одинаково вхож в оба мира — жизни и смерти. Известно, что кроме перечисленных Гермесу свойственны также и другие функции: покровительство торговле, помощь ворами, управление снами людей.

Бен-Намир также выступает в качестве помощника на пути в царство мертвых. Он помогает Реджинальду Парснипу обрести новое тело. Этот процесс сопровождается мистическим ритуалом, заканчивающимся физической смертью персонажа и обретением другой ипостаси. Бен-Намир осуществляет функцию сопровождения Парснипа в локус смерти. Значимым является тот факт, что он возвращается из данного локуса, тогда как Парснип остается в нем. Приобщение персонажа к данному локусу вызывает метаморфозы его личностной сущности: обретение таинственных знаний, превращение из немощного старика в безжалостного убийцу.

В связи с проявлениями метампсихоза в тексте актуализируется значение имени древнегреческого бога применительно к образу Бен-Намира. Оно является производным от греческого слова, обозначающего груду камней или каменный столб, которым отме-

чались в древности места погребений. Гермы были путевыми знаками, фетишами — охранителями дорог, границ, ворот (отсюда Гермес — «привратный»). Это значение непосредственно реализуется в тексте новеллы. Во время второй встречи с Парснипом индус рассказывает умирающему о пороге смерти, а также о возможности существования личности в новой ипостаси. «Вы на верном пути. Есть то, что мы, йоги, называем «порог смерти», «death's door»... Представьте себе, что человек, уходящий за этот порог, в небытие, зацепился за него носком туфли — и туфля осталась по сю сторону, в то время как все остальное...» [2]. Порог, о котором говорит Бен-Намир, может восприниматься как граница между локусами жизни и смерти, бытия — небытия. В качестве предположительной ассоциации можно обозначить ситуацию выбора между добром и злом (убийство Коркнеля Парснипом). Идентичную функцию могут выполнять символы дверей, ворот, а также другие элементы, соединяющие пространства друг с другом. Наличие этих признаков эксплицируют особенности образа Бен-Намира, таинственный незнакомец из Калькутты оказывается привратником, охраняющим запретное пространство смерти.

В этой связи топоним Калькутта обретает особую значимость. Мистер Слэйдж говорит Гвендолен Парснип о Бен-Намире: «Он прибыл всего лишь три дня тому из Калькутты» (137). Крупнейший город Индии был основан как торговый форпост Британии в XVII в., однако исторические материалы и археологические исследования свидетельствуют о том, что он был важным торговым центром задолго до возникновения английской колонии. В сознании персонажей, присутствующих на концерте в Кинг-Холле, Калькутта вызывает устойчивые ассоциации, связанные с торговлей и богатством. Прибывший из Калькутты Бен-Намир эксплицирует значение, характерное для этого города. Таким образом, загадочного индуса можно интерпретировать как один из инвариантов Гермеса, который, как известно, кроме всего прочего был еще и богом торговли.

В фрагменте, связанном с описанием одеяла, упомянутого в завещании Парснипа, Кржижановский вводит в текст деталь, указывающую на хронологическую последовательность происходящих событий. «...Ни Бен-Намир, ни его пациент не учли того обстоятельства, что одеяло было зимним, в то время как смерть, или, точнее, переселение сэра Реджинальда, произошло в конце марта» (142), т.е. точкой отсчета существования Парснипа в новой

ипостаси является начало весны, конец марта. Это время года обладает амбивалентной символикой умирания/рождения новой жизни. Это пора проведения анфестрий — мистерий, являвшихся своеобразным празднованием пробуждения весны и памяти умерших. В качестве специфической особенности анфестрий можно отметить поклонение богу Гермесу, в отличие от Элевзинских празднеств, связанных с культом Деметры, и Дионисийских мистерий. Специфика анфестрий непосредственно реализуется в тексте новеллы. Похороны Парснипа приходятся на начало весны, однако этот ритуал совпадает с празднованием бракосочетания Эдуарда Коркнелля и Гвендолен Парснип. За описанием похорон сразу следует описание бракосочетания четы Коркнеллей. Тем самым в тексте создается ощущение единого события, соединяющего в себе два противоречивых начала (траур по умершему и празднование пробуждения весны).

В тексте новеллы обнаруживаются и другие мифологические параллели. Можно говорить о сходстве того же Бен-Намира и представителя пантеона египетских богов Тота. Оно проявляется одновременно на нескольких уровнях текста. Как и в случае с Гермесом, здесь отсутствует внешнее сходство, однако актуализируется значение некоторых функциональных признаков.

В мифологических и религиозных представлениях древних египтян бог Тот занимает важное место. Он является одним из основных богов, наряду с Ра, Осирисом и др. Традиционно Тот (Джехути) считался богом мудрости, счета и письма. Характерной его особенностью было то, что он выступал в качестве некоего хроникера, или скриптора. Он вел счет дням, месяцам, и годам, отмечал дни рождения и смерти людей. Богу Тоту принадлежала ведущая роль в культе мертвых и погребальном ритуале жителей Египта. Традиционно он изображался около весов записывающим результат взвешивания сердца, на основании чего выносился приговор суда.

Наряду с этим Тот выполнял функцию психопомпа, проводника душ в потусторонний мир. По этой причине он отождествлялся греками с Гермесом и выступал у них под именем Гермеса Трисмегиста, т.е. воплощал собой синтез эзотерических знаний Востока и Запада.

В новелле Бен-Намир выполняет функцию, традиционно присущую этому его мифологическому прототипу. Он выступает в качестве хроникера. С одной стороны, он наблюдает за событиями, происходящими в Кингс-Холле, а также в пригородном поместье Парснипа, а с другой, — он фиксирует их.

С образом бога Тота Бен-Намира сближает также символика счета. Гость из Калькутты ведет отсчет времени, оставшегося до физической смерти Парснипа. Обращаясь к Парснипу, он говорит: «Разрешите проверить, сколько на вашем счету бытия осталось часов и минут» (140). Этому количеству часов и минут, оставшихся до смерти, соответствует материальный эквивалент: денежная сумма, предположительно полученная индусом за выполнение его необычной работы.

В этой связи значимыми являются мотивы дыхания и сердца. Посредством их описания передается значение приближения смерти Реджинальда Парснипа. «Сердце дергалось, точно на ниточке, но все-таки дергалось». «Но к вечеру больному стало много хуже. Врач прощупал пульс, аускультировал дыхание...». «М-р Парснип пролежал минут двадцать, чувствуя, как холодеют концы ног, и вслушиваясь в свое шелестящее дыхание» (138). Здесь тоже возможна отсылка к образу бога Тота: к одной из его функций.

Кроме использования Кржижановским мифа о боге Тоте в тексте новеллы обнаруживаются отсылки и к другим египетским мифам. Рассмотрим модель круговращения жизни и смерти: умирание Парснипа, его возвращение к жизни в новом теле и последующая смерть. Собственно весь сюжет новеллы строится по этому принципу (все действие в той или иной степени связано с сюжетной линией Парснипа). Обозначенная модель определяет характер внутренних элементов текста, их взаимосвязь и функционирование. Переход Парснипа от жизни к смерти, а также эти отношения в инверсивном плане формируют основные смысловые единства, обуславливающие систему культурных кодов, представленных в новелле. Фактически, персонаж умирает дважды: сначала происходит умирание его физической сущности, а несколько позднее — духовной. Умирая во второй раз, Парснип утрачивает возможность возродиться снова.

Модель, описывающая круговращение жизни и смерти, вызывает ассоциации с религиозными представлениями древних египтян. Когда умирал египтянин, его душа покидала физическое тело. Однако наступал день, когда в гробницу усопшего являлись боги подземного мира, чтобы при помощи магии воскресить умершего к жизни, т.е. снова вселить душу в тело. Это делалось для того, чтобы египтянин сумел предстать перед высшим судом в Великом Чертоге. На суде выносился приговор, посредством которого решалась судьба умершего. Если человек вел праведную жизнь, он получал право вечного существования в Полях Камыша. Если покойный признавался грешником, то он объявлялся несуществующим, т.е. лишался жизни навсегда, без надежды и права на воскресение.

В связи с религиозно-мифологическими представлениями древних египтян важно также отметить миф о смерти и воскресении Осириса, а также о рождении его сына Гора. Эти мифы находят своеобразное отражение в тексте новеллы. Обозначенные мифологемы можно применить к нескольким персонажам одновременно. В качестве исходной рассмотрим оппозицию Парснип — Осирис. Парснип умирает для того, чтобы возродиться вновь в новом теле. Как и в мифе об Осирисе, над телом погибшего осуществляется магический ритуал, вследствие которого умерший возвращается к жизни. Но авторский миф расходится с первоисточником. Воскресая, Парснип оказывается не в состоянии соединиться со своей супругой, а еще больше отстраняется от нее. Отступление Кржижановского от традиционной модели и создание собственно-

го мифа мотивировано внутренней логикой текста. Его персонажи руководствуются иными законами, чем египетские боги. Репрезентантом функции Осириса в новелле выступает также Эдуард Коркнель. Как и в египетском мифе, он умирает от руки соперника. В этой связи Парснип приобретает дополнительные черты и отождествляется одновременно как с Осирисом, так и с Сетом. Наличие амбивалентности в образа Парснипа свидетельствует о психологизме персонажа, а также о его внутренней динамике (от нейтрального к негативному). Причина смерти Эдуарда Коркнеля эксплицирует значение сходства мифологического источника и авторского мифа. Будучи задушенным, Коркнель умирает от недостатка воздуха. Осирис был помещен в деревянный ящик, который был залит свинцом и брошен в воды Нила. Течение реки прибывает к берегу, и растущее дерево укрывает его своими ветвями. Встречи Эдуарда Коркнеля и Гвендолен Парснип происходили в саду, под сенью раскидистого дуба, т.е. в сознании Гвендолен Коркнель отождествляется с этим деревом. Шелест листья дуба вызывает

у Гвендолен устойчивые воспоминания о любовнике. Находясь во дворце Астарты, Изида проводит много времени у колонны, изготовленной из дерева, укрывавшего ее мужа. Она предается воспоминаниям об Осирисе. Сумев извлечь из мертвого тела супруга скрытую жизненную силу, Изида зачинает ребенка. В одном контексте с описанием смерти автор говорит о зарождении новой жизни, беременности Гвендолен Парснип.

Традиционные мифы переосмысливаются автором, получая тем самым новое специфическое воплощение в его индивидуальной мифологии. Это связано с модернистской теорией моделирования собственной реальности, эксплицирующей характерные черты сознания автора.

-
1. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1994. С.292.
 2. Кржижановский С.Д. Собр. соч. в 5 т. СПб., 2001. Т.III. С.139. Далее ссылки даются в тексте с указанием страниц (в круглых скобках).